

- Xrapunov H. I.* [Рецензия]. Рец. на кн.: Дж. Александр. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011б. № 2. С. 397–405.
- Chaney E.* The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. Routledge, 2000. 426 p.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. Fourth Edition. Vol. 2. L., 1817. 524 p.
- Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. L., 1827. 316 p.
- Kizilov M.* Karaites through the Travellers' Eyes. Simferopol'; Warsaw, 2003. 269 p.
- Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne.* 2nd éd. Paris; Genève, 1809. 333 p.
- Memoir of Mr. James Webster // Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. L., 1830. P. i–cxx.
- Spencer T. J. B.* Fair Greece! Sad relic; literary philhellenism from Shakespeare to Byron. L., 1954. 312 p.
- The Crimea: Its Towns, Inhabitants, and Social Customs.* L., 1855. 111 p.
- The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta.* Vol. 1. N. Y., 1830. 638 p.
- The Monthly Review.* 1830. Vol. 14. 630 p.
- Trease G.* The Grand Tour. L., 1967. 251 p.
- Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... 2 vols. L., 1830. ccxii + 162 p. (1); 435 p. (2).

Статья поступила в редакцию 30.08.2012 г.

УДК 908(477) + 902 + 94(477) + 27-76

А. В. Шаманаев

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ПОЗИЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Рассматривается проблема участия Русской православной церкви в сохранении исторического наследия в XIX – начале XX в. На основании архивных документов дается характеристика деятельности монастыря Св. Владимира (Херсонес, Крым) по организации охраны средневекового археологического комплекса на острове в Казачьей бухте. Анализируется система взаимодействия ведомств Российской империи, связанных с решением задач сохранения памятников старины. Автор показывает безуспешность попыток церковных структур организовать эффективную систему охраны остатков культового комплекса в окрестностях Севастополя.

Ключевые слова: Крым; Русская православная церковь; Херсонес; археологическое наследие; монастырь Св. Владимира; монастырь на острове в Казачьей бухте; св. Климент Римский; Императорская Археологическая комиссия.

Проблемы, связанные с использованием религиозными организациями объектов историко-культурного наследия, оказавшихся в государственной собственности после 1917 г., являются одними из наиболее острых в сфере охраны памятников старины как в Российской Федерации, так и в других странах СНГ. Особенно острые общественные и научные дискуссии вызывает деятельность

Русской православной церкви (РПЦ), которая стремится получить в свое распоряжение национализированные в прошлом культовые здания и предметы религиозного назначения. Эта ситуация обусловлена высокой активностью представителей РПЦ, которая является не только одной из крупнейших религиозных организаций в стране, но и пользуется явной поддержкой российских властей всех уровней. За последние 20 лет можно отметить десятки резонансных конфликтов вокруг объектов историко-культурного наследия, получивших общероссийский и международный резонанс (иконы Богоматери Владимирской и Донской, «Троицы» Андрея Рублева из Третьяковской галереи, Казанского собора в Санкт-Петербурге, Новодевичьего монастыря в Москве, Соловецкого и Валаамского комплексов и др.).

Один из ключевых вопросов этих споров — сможет ли церковь обеспечить сохранность памятников, полученных в пользование или собственность. Стоит отметить, что как сторонники, так и противники передачи церкви культовых памятников обращаются к историческому опыту. Первые полагают, что в прошлом РПЦ наглядно доказала способность сохранять культовые памятники и, следовательно, может обеспечить адекватные меры по их охране в настоящее время [см.: Изъятие церковных ценностей, с. 3–28; Церковь и культурное наследие, с. 36–42; Ксения, с. 56–65]. Вторые считают, что для служителей церкви конфессиональные и экономические интересы были более значимыми, чем решение задач научной реставрационной и охранной деятельности [см.: Мусин, с. 41–101, Императорская Археологическая..., с. 945–1043].

Проблема отношения церкви к памятникам старины в России стала предметом анализа уже во второй половине XIX в. По мнению многих исследователей, в 1860–1870-е гг. завершился период начального становления археологической науки, а в 1880–1890-е гг. произошли кардинальные изменения в методологии и методах исследования этой области знаний [см.: Формозов, с. 68–69; Генинг, Левченко, с. 2–3; Лебедев, с. 394–396; Тихонов, с. 39; Diaz-Andreu, p. 254–262]. В этот же период происходило оформление основ современных представлений о методах научной реставрации памятников [см.: Jokilehto, p. 257–258].

На этом фоне вопрос о роли РПЦ в сохранении памятников старины постоянно обсуждался на таком масштабном и авторитетном научном форуме, как археологические съезды, проводившиеся Московским археологическим обществом с 1869 по 1911 г. На первом съезде известный историк М. П. Погодин (1800–1875) представил обзор состояния отечественной археологии. Отметив значительный вклад служителей церкви в сохранение многих древностей, он был вынужден констатировать, что не только рядовые священники, но и церковные иерархи часто не понимают значения памятников старины и способствуют их уничтожению. По мнению М. П. Погодина, «надобно растолковать, что узкое окошко в церковной стене, та или другая линия в резных или лепных украшениях, такая-то дверь, лоскуток за[с]корузлой кожи, знак, вырезанный на камне, глиняная вещь или медный крестик, образок со стертymi надписями, старый кирпич также памятники, в некоторых случаях гораздо более драгоценные, нежели золотое монисто или серебряное ожерелье. Верные

понятия об археологии отсутствуют часто в высших лицах, и в арихиереях, и в губернаторах. Архиерей, ничтоже сумня[ше]ся, благословляет вынести старый иконостас из церкви, позволяет подновить образа, расширить окна, закласть двери, отдать старые ризы на выжигу или перелить древние сосуды» [Погодин, с. 27].

В середине XIX в. в Крыму было создано несколько монастырей, призванных увековечить память о значимых для истории христианства событиях и личностях. Инициатор проекта создания Русского Афона архиепископ Иннокентий (И. А. Борисов, 1800–1857) полагал, что их деятельность позволит сохранить для истории и верующих памятники древнего христианства Тавриды [см.: Востоков, с. 668–708; Тункина, с. 523–530; Бабинов, с. 7–21; Непомнящий, с. 107–111].

Сущность подхода Русской православной церкви к сохранению объектов историко-культурного наследия, имеющих сакральную ценность, наглядно характеризует история участия священнослужителей в судьбе тех памятников Крыма, которые традиция связывала с деятельностью св. Климента Римского.

В 1852 г. в Инкермане была основана киновия Св. Климента [см.: Даневский, с. 24; Гермоген, с. 485; Тур, с. 134–141]. Согласно традиции, сформировавшейся на рубеже XVIII – XIX вв., местом страданий папы Климента считались каменоломни в Инкермане. Так, уже С. Сестренцевич-Богуш (1731–1826) уверенно соотносил этот район с данными агиографической традиции [см.: Сестренцевич-Богуш, с. 295–296]. Д. М. Струков (1828–1899), руководивший ремонтно-реставрационными работами и исследованиями пещерных храмов Инкермана в конце 1860-х – начале 1870-х гг., не только не сомневался в их связи с деятельностью св. Климента, но даже пытался сопоставить конкретные помещения с фактами его жизни [см.: Струков, с. 6, 24, 41–43].

В настоящее время большое значение имеет вопрос о локализации средневекового центра почитания св. Климента в связи с дискуссией о топографии средневековых херсонесских храмов. Такой интерес обусловлен тем, что мортирий св. Климента принято соотносить с местом, где в IX в. Кириллом (Константином Философом, 827–869) были обретены мощи легендарного папы. Житие св. Кирилла содержит описание торжественной процессии, сопровождавшей останки раннехристианского мученика в город, с упоминанием наиболее значимых церквей Херсона. Современные исследователи полагают, что монастырь, построенный на месте обретения мощей, находился на небольшом острове на окраине г. Севастополя [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, с. 661–665; Сорочан, с. 14–15, 30–31, 42–43].

Первое описание остатков сооружений на островке в Казачьей бухте было дано П. С. Палласом (1741–1811) в конце XVIII в. Путешественник снял план развалин, которые он интерпретировал как остатки нижних рядов кладки маленькой крепости. В то время попасть к развалинам можно было по узкому перешейку, который периодически затапливался [см.: Паллас, с. 45, виньетка 2]. В 1845 г. на острове были проведены раскопки лейтенантом Черноморского флота князем В. И. Барятинским (1823–1904). В юго-восточной части острова им были выявлены остатки небольшой часовни с апсидой и предположительно

жилых помещений, различные средневековые артефакты, останки нескольких человек [см.: Аркас, с. 263]. План фундаментов раскопанных построек был составлен З. А. Аркасом (1793–1866) и отправлен в Одесское общество истории и древностей. Как удалось установить И. В. Тункиной, часть находок из раскопок на острове В. И. Барятинский увез в Петербург, а мраморный барельеф с изображениями крестов он подарил швейцарскому путешественнику де Бро. В 1847 г. последний передал его в музей Одесского общества [Тункина, с. 521].

В середине XIX в. судьба древностей, найденных на острове в Казачьей бухте, оказалась связанной с деятельностью другого монастыря, созданного по инициативе архиепископа Иннокентия. На территории Херсонесского городища в 1852 г. была учреждена киновия в память о крещении Руси и св. князе Владимире. В 1861 г. она получила статус первоклассного монастыря [см.: Анфим, с. 426–430; Гроздов, с. 77; Тункина, с. 525; Тур, с. 100]. В 1858 г. Александр II разрешил строительство собора Св. Владимира на территории Херсонесского городища. В связи с этим император повелел передать в монастырь, существовавший на территории памятника, часть мощей св. князя Владимира из малой церкви Зимнего дворца для последующего размещения в соборе [см.: Тур, с. 94]. Аналогичным образом монах распорядился находкой В. И. Барятинского. В октябре 1859 г. настоятель монастыря получил извещения из Управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и от Одесского общества истории и древностей (ООИД). В них сообщалось, что 28 сентября 1859 г. Александр II при посещении музея ООИД высказал пожелание передать мраморную плиту из раскопок 1845 г., найденную в «землях неподалеку... от древняго Херсонеса», для украшения интерьера будущего собора. До окончания постройки храма плита должна была храниться в монастыре Св. Владимира [см.: ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 2–2об, 3]. Разумеется, такое пожелание имело силу приказа, и находка была перевезена из Одессы в Севастополь [см.: Мурзакевич, с. 997].

В конце 1880-х гг. Херсонесский монастырь снова оказался связан с традицией почитания св. Климента. В 1887 г. епископ Таврический Мартиниан (М. С. Муратовский, 1820–1898) получил запрос из ведомства православного исповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего синода от 28 января за подписью К. П. Победоносцева (1827–1907) [см. обзор литературы о нем: Соловьев]. В документе речь шла о возможности выслать в США архитектурную деталь одного из древних херсонесских храмов. Этот интерес был вызван тем, что в Чикаго началось строительство англиканской церкви во имя св. Климента. Донатор пожелал, «чтобы в стену новосозидаемого храма, на стороне, обращенной внутрь церкви, был вделан камень с развалин храма в Херсонесе Таврическом, где провел последние годы своей жизни св. Климент» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 290–290об.].

Епископ Таврический немедленно переадресовал запрос настоятелю Херсонесского монастыря Св. Владимира архимандриту Иннокентию (Жежеленко, ?–1893). 28 февраля в Санкт-Петербург был отправлен положительный ответ с описаниями нескольких архитектурных фрагментов для возможности

выбора одного из них. Синод уведомил об этом архитектора чикагского храма Джорджа Армора [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 284]. Дж. Армор остановил свой выбор на фрагменте мраморной колонны с высеченным на ней крестом. Вероятно, чувствуя благожелательное отношение российских властей, архитектор обратился с просьбой о получении еще и детали «мраморной плиты из иконостаса для помещения в алтарь (*Sanctuary*) вновь строящейся в Чикаго базилики» [Там же, л. 284 об.]. Скорее всего, речь шла о фрагменте алтарной преграды.

Можно предположить, что упомянутые архитектурные фрагменты происходили из собрания древностей, хранившихся в Херсонесском монастыре и предназначавшихся для устройства Христианского музея. Идея создания при обители хранилища памятников, документирующих историю христианского Херсона, принадлежала еще архиепископу Иннокентию [см. об этом: Тункина, с. 527]. В 1878 г. вице-президент Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевич (1806–1883) надеялся, что «из всего собранного в бывших зданиях мраморов составится местный Христианский Музей, который будет вмещать в себя все то что осталось христианского начиная с VII века, если не далее. Здесь же будут сохраняться христианские монеты и другия вещи, в развалинах отысканные» [ГАГС, ф. 19, оп. 1., д. 10, л. 88]. Музей в полном смысле слова создать не удалось, однако в монастыре сохранялись некоторые вещи и архитектурные фрагменты, найденные в ходе раскопок Одесского общества истории и древностей [см.: Там же, л. 90 об., 223 об. и др.].

В отношении Синода от 21 июня 1887 г. сообщались указания о транспортировке архитектурных деталей в США через Англию. Кроме того, Дж. Армор брал на себя расходы по доставке в сумме 250 руб. [Там же, л. 284 об.–285]. Исполнение поручения Синода было возложено 3 июля 1887 г. епископом Мартинианом на архимандрита Херсонесского монастыря [Там же, л. 284]. Судя по тому, что деньги передавались исполнителю, камни скорее всего были отправлены. К сожалению, проследить их дальнейшую судьбу пока не удалось [Шаманаев, с. 113–118].

Стоит отметить, что законодательство Российской империи не регламентировало вывоз культурных ценностей за рубеж. Вопрос о принятии мер, препятствовавших бесконтрольному перемещению национальных исторических и художественных ценностей, неоднократно поднимался общественностью, но так и не был решен [см.: Разгон, с. 119–123; Туринская, с. 49]. В научных кругах второй половины XIX в. концепция обязательного сохранения целостности коллекции артефактов, полученных при раскопках археологического памятника, находилась на стадии становления. Однако еще в середине XIX в. в Херсонесе сложилась особая практика обращения с находками. В 1853 г. архиепископ Иннокентий добился официального оформления положения, по которому средневековые древности должны были сохраняться в монастыре Св. Владимира [см.: Тункина, с. 527]. Интересно, что это обстоятельство вообще не учитывалось при решении вопроса об отправке архитектурных деталей в США. Наставитель монастыря не решился выступить против начальства и всеми силами способствовал утрате культурных ценностей. Глава Синода и епископ Таврический действовали на основании более существенных соображений.

Во второй половине XIX в. активно развивался межконфессиональный диалог Русской православной церкви с церковью Англии и епископальной церковью США, имевший политический контекст [см.: Лаврова, Соловьева, Сперанская, с. 313–316]. На этом фоне никто в России не стал задумываться о сохранении культурных ценностей.

В начале XX в. в сфере внимания Херсонесского монастыря оказался упоминавшийся выше остров в Казачьей бухте. К этому времени среди историков и археологов утвердилось мнение, что инкерманские каменоломни не были местом страданий папы Климента. А. Л. Бертье-Делагард подверг критике традиционные представления на основании данных письменных и археологических источников [см.: Бертье-Делагард, с. 213–217]. В 1890 г. Императорской Археологической комиссией были произведены новые раскопки на острове (он находился в собственности В. Ф. Загорянского) в Казачьей бухте под руководством К. К. Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) по открытому листу № 401 [Приложение..., с. 31]. В результате этих работ была получена коллекция артефактов, а также выявлены «квадрат, обнесенный стенами, внутри которых находятся жилые постройки, дворик и небольшая церковь» [Айналов, с. 142]. Уже в 1891 г. И. И. Толстой (1856–1916) и Н. П. Кондаков (1844–1925) осторожно говорили об этом комплексе как монастыре, построенном на месте обретения мощей св. Климента [см.: Толстой, Кондаков, с. 10].

Судя по всему, после окончания исследовательских работ на памятнике К. К. Косцюшко-Валюжиничем не были приняты меры по консервации объектов. К 1905 г., по сообщению Д. В. Айналова (1862–1939), вскрытые раскопками 1890 г. фундаменты построек «почти совершенно исчезли». Возможно, участок оказался просто засыпан грунтом, извлеченным в ходе раскопок и оставленным на острове по внешнему периметру стен [см.: Айналов, с. 140, 143].

Вновь внимание к памятнику было привлечено тем, что в 1908 г. Херсонесский монастырь инициировал дело о приобретении острова. К этому времени землей владел отставной адмирал М. Я. Баль. Целью покупки было строительство «на месте развалин древнего храма» новой церкви в память о мученической кончине св. Климента [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 55, л. 2-2об.]. Настоятель монастыря обратился с ходатайством к епархиальному начальству 6 октября 1908 г. Решение архиепископа Таврического и Симферопольского Алексия (А. В. Молчанова, 1853–1914) было принято 9 октября: «С великим благоговением к памяти священномуученика разрешаю то и другое». Таврическая духовная консистория, известив настоятеля монастыря об этом 20 октября, обязала согласовать с Императорской Археологической комиссией (ИАК) строительные работы на памятнике [Там же, л. 2–2 об.].

Нужно отметить, что с момента создания ИАК (1859) она должна была «заботиться, чтобы в том случае, когда настоит надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как то: памятники зодчества, курганы и прочия, или произвести большая земляные работы на месте древнего города, или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных, или общественных, принятые были, по возможности, нужные археологические меры, и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним

мог быть допущен ея чиновник» [ПСЗ, 1861, № 34109, с. 71]. Кроме того, указ от 11 марта 1889 г. предписывал: «Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской Археологической комиссией и по сношению ея с Императорской Академией художеств» [Там же, 1891, № 5841, с. 95]. В 1890–1900-е гг. ИАК проявляла большую активность в решении вопросов реставрации памятников архитектуры и надзоре за работами, проводившимися различными ведомствами на памятниках археологии [Императорская Археологическая..., с. 119–140, 938–1064].

Запрос в Санкт-Петербург о разрешении строительных работ был отправлен из монастыря 9 декабря 1908 г. В ответе из ИАК от 13 января 1909 г. товарищ председателя Императорской Археологической комиссии В. В. Латышев (1855–1921) сообщил, что обследование памятника поручено заведующему раскопками в Херсонесе, члену ИАК Р. Х. Леперу (1865–1918). Назначен был и куратор предполагаемых реставрационных работ — архитектор, историк, реставратор, член ИАК П. П. Покрышкин (1870–1922). В заключение В. В. Латышев считал нужным напомнить руководству монастыря, что «приведение проекта в исполнение, согласно действующим законоположениям, может состояться не иначе как после всестороннего его обсуждения в Императорской Археологической комиссии» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 55, л. 3–3 об.].

В отношении ИАК от 30 апреля 1909 г. руководство монастыря извещалось, что, «совершенно сочувствуя мысли об устройстве храма на месте мученической смерти Святителя Климента, комиссия не находит, однако, возможным разрешить построение его над развалинами, открытыми на острове в Казачьей бухте, так как развалины эти, в связи со всеми раскопками древнего Херсонеса, должны быть сохранены для науки неприкословенными». В качестве компромисса ИАК предложила «построить храм или часовню-памятник против перешейка, соединяющего островок с берегом, на месте, свободном от остатков каких-либо древних сооружений» [Там же, л. 4].

Конечно, такое решение можно признать оптимальным. С одной стороны, оно позволяло сохранить археологический объект, с другой — удовлетворить потребности верующих в увековечивании памяти святого. Святейший синод санкционировал покупку острова указом от 19 августа 1909 г. [Там же, л. 7].

Однако отношение монастырского начальства к проекту кардинально изменилось: 2 июня 1910 г. в Таврическую духовную консисторию был отправлен рапорт, ставящий под сомнение необходимость покупки острова. В документе перечислены мотивы, объясняющие нецелесообразность этой сделки. Прежде всего управление монастыря ссыпалось на решение ИАК от 30 апреля 1909 г. о невозможности строительства церкви на месте древних развалин. Также указывалось, что «если бы эта комиссия и разрешила постройку на этом островке, то и тогда на нем нельзя будет произвести никакой постройки», поскольку «при сильном волнении моря этот островок затопляется водою, а более низкие и углубленные места на нем всегда бывают влажны и грязны». Составители рапорта обращали внимание консистории, что местность вокруг Казачьей бухты совершенно пустынна и не заселена, а ближайший источник воды (не пригодной для употребления), находится в 60–70 саженях (130–150 м) от острова.

Кроме того, цена сделки (800 руб. за ю десятины, т. е. около 1 руб. 33 коп. за кв. сажень) была признана слишком высокой. В дополнение к этому сообщалось, что «монастырь до сих пор сам еще не устроился, не имеет настоящей трапезы, ни колокольни и требует больших средств на свое содержание и поддержку имеющихся в нем зданий, особенно соборного храма Св. Владимира». Наконец, под сомнение была поставлена и сакральная значимость памятника, поскольку предположение о связи острова с жизнью св. Клиmenta «не составляет еще вполне удостоверенного факта и находится в прямом противоречии с повествованием о сем святителя Димитрия, митрополита Ростовского, имеющего более прав на наше доверие, нежели археологи, основывающие свои сказания на предположениях и догадках». В качестве альтернативы строительству храма было предложено соорудить на острове «гранитный столп с соответствующей надписью» и окруженный решеткой или каменной оградой [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 55, л. 9–9 об.].

Таврическая духовная консистория, рассмотрев предложение монастыря Св. Владимира, сочла нужным разрешить прекратить дело о покупке острова указом от 25 августа 1910 г. [Там же, л. 10].

Вопрос о судьбе археологического комплекса вновь был поставлен через два года. Императорская Археологическая комиссия в отношении от 7 мая 1912 г. в Таврическую духовную консисторию сообщила о желании владельца М. Я. Балля продать остров другому частному лицу. В связи с этим комиссия высказала опасения, что при сохранении земли в частных руках «легко могут быть уничтожены... остатки одного из древнейших памятников христианства в пределах Российской империи». Для предотвращения этого комиссия предложила «приобрести островок в церковную собственность» [Там же, л. 12–12 об.].

Серьезных последствий обращение Археологической комиссии не имело. Консистория отправила запрос в монастырь (5 июня 1912 г.) для прояснения ситуации с покупкой [Там же, л. 11]. В ответе от 20 июня 1912 г., подготовленном по распоряжению Таврической духовной консистории, монастырское начальство категорически отказалось от покупки острова, сославшись на решение консистории от 25 августа 1910 г. и неподходящесть приобретения непригодной для практического использования земли [Там же, л. 13–13 об.].

После этого консистория указом от 12 сентября 1912 г., предписала монастырю совершить покупку, если цена не превысит 800 руб. [Там же, л. 14]. Скорее всего, это решение было формальностью для удовлетворения Археологической комиссии. Монастырь от покупки отказался.

Анализируя причины, побудившие монастырь Св. Владимира отказаться от покупки острова и участия в сохранении памятника, можно отметить, что вопрос об исторической достоверности той или иной интерпретации сказания о св. Клименте не был единственным камнем преткновения для монастырского начальства. Так, довод о несостоятельности предположения археологов поставлен на шестое место в рапорте, направленном в Таврическую духовную консисторию 2 июня 1910 г. [Там же, л. 9 об.]. Как указывалось выше, рядом с Севастополем, в Инкермане, с 1852 г. уже существовал монастырь, посвященный св. Клименту [Ливанов, с. 29]. Именно с этим местом традиция связывала

мученическую судьбу этого святого. Гипотеза, высказанная А. Л. Бертье-Делагардом и принятая некоторыми его коллегами, не могла быстро стать общеизвестной среди верующих и священнослужителей. Однако эти обстоятельства не принимались во внимание до решения ИАК.

Была ли цена, назначенная собственником острова, действительно завышенной? В 1906 г. монастырь предложил инженерному ведомству уступить землю на городище по 21 коп. за кв. сажень [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 37, л. 60 об.]. Однако в этом случае речь шла об интересах государства и оценке, не соответствующей ситуации на рынке недвижимости. Цены на землю в курортной зоне южного берега Крыма были несопоставимо выше. Так, в 1915 г. имение Ласпи (около 30 км от Севастополя в сторону Ялты) было продано исходя из цены за одну кв. сажень 1 рубль. В среднем в эти же годы земля южнобережных имений оценивалась в 10–75 руб. за кв. сажень [см.: Мальгин, с. 139]. Следовательно, предложенная владельцем острова продажная цена была вполне умеренной, а если и завышенной, то незначительно.

Судя по имеющимся данным, доходы монастыря вполне позволяли осуществить покупку острова и строительство храма. Например, в 1901 г. сдача в аренду монастырской земли принесла 19 733 руб. 04 коп., продажа свечей — более 3 тыс. руб., торговля просфорами — 638 руб. 05 коп., кошельковый и кружечный сбор — 1092 руб. 38 копеек. Были и другие источники дохода [см.: Терещук, с. 152–153]. Конечно, расходы монастыря на текущие нужды и капитальное строительство были значительными [см.: Тур, с. 100]. Однако 800 рублей были суммой вполне посильной для казны монастыря.

По-видимому, наиболее существенным препятствием для реализации проекта стал категорический запрет Императорской Археологической комиссии строить церковь на руинах средневековых зданий. Постройка памятного храма не на сакральном месте, а рядом с ним делала саму идею мало привлекательной. В этом случае реликвия здраво дистанцировалась от нового церковного здания, интерес верующих к новому культовому объекту мог оказаться незначительным.

Таким образом, анализ вклада Русской православной церкви в сохранение археологического комплекса, которому ее же служители придавали сакральное значение, показал несостоятельность этой организации эффективно участвовать в деятельности по охране памятников в указанный период. Так, в настоящее время неизвестно местонахождение плиты из раскопок на острове в Казачьей бухте; нет информации о судьбе архитектурных деталей, отправленных в США; не удалось воссоздать мемориальный комплекс на острове. В условиях сложных отношений церкви, государства и общества, несовершенства законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия (в дореволюционной России и в настоящее время) решение вопросов, связанных с судьбой памятников церковной археологии, требует максимально продуманных и всесторонне взвешенных решений. Пример со средневековым монастырским комплексом в Казачьей бухте наглядно показывает, что представления служителей церкви о принципах реставрации и охраны памятников старины, как правило, не соответствуют требованиям научного подхода. Более того, конфессиональные

и экономические интересы церковных структур часто оказываются выше общекультурных и гуманистических представлений о значимости объектов историко-культурного наследия.

Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1 : Развалины храмов. М., 1905. 146 с.

Анфим. Историческая записка о Херсонисском Св. Владимира монастыре // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 427–430.

Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 245–271.

Бабинов Ю. А. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий в духовном наследии Крыма // Церковные древности : сб. материалов III междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь, 2005. С. 7–21.

Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 166–282.

Востоков Н. М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // РС. 1879. Т. 24. С. 651–708.

Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). Киев, 1992. 65 с.

Гермоген (К. П. Добронравин). Таврическая епархия. Псков, 1887. 520 с.

ГАГС. Ф. 19.

Гроздов А.В. Историческая записка о Херсонисском св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. 1888. № 5. С. 76–80.

Даневский И. Очерк истории Инкермана. Одесса, 1855. 26 с.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. : сб. док. из фондов Реввоенсовета Республики. М., 2006. 304 с.

Императорская Археологическая комиссия (1859–1917) : к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. 1192 с.

Ксения (Чернега). Правила передачи: концепция закона // ЖМП. 2010. № 12. С. 58–62.

Лаврова П. В., Соловьева Т. С., Сперанская Е. С. Англикано-православные связи, богословские диалоги XVIII–XX вв. // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 311–322.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб., 1992. 463 с.

Ливанов Ф. В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875. 519 с.

Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи : конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004. 352 с.

Мурзакевич Н. Н. Херсонисская церковь Св. Василия (Владимира) // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 996–997.

Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб., 2010. 456 с.

Непомнящий А. А. Деятельность священнослужителей по изучению и охране памятников древности в Крыму (XIX – начало XX века) // Церковные древности : сб. материалов III междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь, 2005. С. 107–111.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. 246 с. (Научное наследство ; т. 27).

Погодин М. П. Судьбы археологии в России III // ЖМНП. 1869. № 146. С. 1–39.

ПСЗ РИ. 2-е собр. СПб., 1861. Т. 34. Отд. 1. 840 с.; 3-е собр. 1891. Т. 9. 728 с.

Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917) : к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. 208 с.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) // Тр. НИИ музееведения. М., 1957. Вып. 1 : История музейного дела в СССР. С. 73–128.

Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1. 440 с.

Соловьев А. Л. К. П. Победоносцев и политика контрреформ // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. № 25. С. 37–45.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. 828 с.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X в.) : очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005. 1648 с.

Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. 51 с.

Терещук Н. М. Приходно-расходные книги — важнейший источник изучения деятельности Херсонесского монастыря // Sacrum et Profanum II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Севастополь ; Краков, 2007. С. 149–156.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб., 2003. 332 с.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4 : Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. 176 с.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма. Киев, 2006. 248 с.

Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907 — 1936 гг. М., 2001. 124 с.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.

Церковь и культурное наследие : в Новодевичьем монастыре открыт церковный музей // ЖМП. 2011. № 4. С. 36–42.

Шаманаев А. В. Вывоз из Херсонеса российских культурных ценностей за рубеж в XIX в. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 13. С. 110–118.

Diaz-Andreu M. A world history of nineteenth-century archaeology. Oxford, 2007. 486 p.

Jokilehto J. A history of architectural conservation. Oxford, 2002. 354 p.

Статья поступила в редакцию 05.09.2012 г.